

УДК 342.7

DOI 10.5281/zenodo.18032921

Савенкова К. И., Гаврилова Ю. В.

Савенкова Кристина Игоревна, ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», д. 12, стр. 1, 2-й Кожуховский проезд, Москва, Центральный федеральный округ, Россия, 115432. E-mail: yachnikova.kristina@mail.ru.

Гаврилова Юлия Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», д. 12, стр. 1, 2-й Кожуховский проезд, Москва, Центральный федеральный округ, Россия, 115432. E-mail: yachnikova.kristina@mail.ru.

Конституционные основания ограничения прав и свобод личности в Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные основания ограничения прав и свобод личности в Российской Федерации. Авторы анализируют положения Конституции РФ, федерального законодательства, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ, определяющие допустимые пределы реализации прав и свобод. Особое внимание уделено принципу соразмерности, необходимости и законности ограничений, которые обеспечивают баланс между частными и публичными интересами. На основе анализа судебной практики выявлены ключевые проблемы правоприменения, связанные с избыточностью мер и нечеткостью законодательных формулировок. Подчеркивается, что механизм ограничения прав и свобод выступает не только инструментом защиты интересов общества и государства, но и гарантией сохранения справедливого правопорядка, обеспечивающего согласование интересов личности с требованиями общественной безопасности и конституционного строя.

Ключевые слова: Конституция, права и свободы, ограничения, Конституционный Суд РФ, судебная защита, баланс интересов, принцип пропорциональности, проблемы правоприменения, судебный контроль.

Savenkova K. I., Gavrilova Yu. V.

Savenkova Kristina Igorevna, Private Educational Institution of Higher Education "Witte Moscow University", Building 12, Bldg. 1, 2-y Kozhukhovsky Proezd, Moscow, Central Federal District, Russia, 115432. E-mail: yachnikova.kristina@mail.ru.

Gavrilova Yulia Vyacheslavovna, PhD in Law, Associate Professor, Private Educational Institution of Higher Education "Witte Moscow University", Building 12, Bldg. 1, 2-y Kozhukhovsky Proezd, Moscow, Central Federal District, Russia, 115432. E-mail: yachnikova.kristina@mail.ru.

Constitutional grounds for the restriction of individual rights and freedoms in the Russian Federation

Abstract. The article examines the constitutional grounds for the restriction of individual rights and freedoms in the Russian Federation. The author analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which determine the permissible limits of the exercise of rights and freedoms. Special attention is paid to the principle of proportionality, necessity and legality

of restrictions that ensure a balance between private and public interests. Based on the analysis of judicial practice, the key problems of law enforcement related to the redundancy of measures and the vagueness of legislative formulations have been identified. It is emphasized that the mechanism of restriction of rights and freedoms acts not only as a tool for protecting the interests of society and the state, but also as a guarantee of maintaining a just rule of law that ensures the alignment of individual interests with the requirements of public safety and the constitutional order.

Key words: Constitution, rights and freedoms, restrictions, Constitutional Court of the Russian Federation, judicial protection, balance of interests, principle of proportionality, problems of law enforcement, judicial review.

Актуальность темы исследования обусловлена растущим противоречием между конституционно провозглашённой приоритетностью прав и свобод человека и практикой их ограничения в условиях современных вызовов. Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации закрепляет широкий спектр личных, политических, социальных и экономических прав, фактическая реализация этих гарантий всё чаще сталкивается с необходимостью поиска баланса между защитой личности и обеспечением общественной безопасности.

Сегодня особое значение приобретают вопросы пределов государственного вмешательства в сферу частной жизни, свободы слова, собраний и предпринимательской деятельности. Проблематика усиливается в контексте текущей социально-политической обстановки: реформирования законодательства в области противодействия экстремизму и терроризму, внедрения цифрового контроля, регулирования информационного пространства, а также последствий ограничительных мер, введённых в период пандемии COVID-19. Эти процессы приводят к трансформации привычных представлений о соотношении свободы и ответственности, прав личности и публичных интересов.

Наличие разночтений в правоприменительной практике, неоднозначность судебных позиций и постоянное расширение сферы ограничений свидетельствуют о том, что данная проблема имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. В центре внимания оказы-

вается вопрос: где проходит граница между необходимостью защиты государства и обязанностью этого же государства гарантировать неприкосновенность основных прав граждан?

Актуальность исследования усиливается также тенденциями правоприменительной практики. Несмотря на то, что Конституция РФ и международные договоры, участницей которых является Россия, закрепляют строгие критерии допустимости ограничений — законность, необходимость и соразмерность, — практика показывает, что органы власти нередко прибегают к избыточным мерам, оправдывая их неопределёнными категориями вроде «обеспечения порядка» или «охраны нравственности». Это порождает риск расширительного толкования законодательства и снижает предсказуемость правового регулирования, что в конечном итоге может привести к подрыву доверия к правовой системе. Не менее важным фактором актуальности является противоречие между формально провозглашёнными гарантиями и их фактической реализацией. Граждане всё чаще сталкиваются с ситуациями, когда гарантированные Конституцией Российской Федерации права — на свободу собраний, выражение мнений, получение и распространение информации, а также на осуществление предпринимательской деятельности — подвергаются ограничениям на региональном и муниципальном уровнях без достаточного правового и фактического обоснования. Такие ограничения нередко вводятся под предлогом обеспечения общественной безопасности,

санитарного порядка или охраны общественной морали, однако на практике приобретают избыточный и несоразмерный характер. Сложность положения усугубляется тем, что механизмы судебной защиты нарушенных прав не всегда обеспечивают их эффективное восстановление. В ряде случаев дела рассматриваются с нарушением разумных сроков, допускается формальный подход к проверке законности действий органов власти, а оценка обоснованности ограничений сводится к констатации их соответствия подзаконным актам. Доктрина соразмерности, являющаяся краеугольным камнем правового регулирования ограничений прав и свобод, остаётся недостаточно закреплённой в российской судебной практике и требует дальнейшего концептуального развития.

Права и свободы человека в Конституции РФ [2] закреплены как высшая ценность (ст. 2). Однако уже сама Конституция оговаривает, что они не являются абсолютными. В статье 55 (часть 3) установлено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, ограничения допустимы лишь при наличии прямого указания закона и только по строго определённым основаниям.

Фактически это положение Конституции выстраивает рамки для всей последующей правовой политики в сфере прав и свобод. Конституция формирует не только каталог прав личности, но и механизм их защиты и допустимых пределов вмешательства государства. Важно отметить, что запрет на принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы (ч. 2 ст. 55), свидетельствует о конституционном принципе сохранения баланса. На практике это означает, что государство обязано искать компромисс между частными и публичными интересами, что подтверждается многочисленными

постановлениями Конституционного Суда РФ, в которых оценивается соответствие ограничений принципам справедливости и соразмерности [4, с. 112].

В современной конституционно-правовой науке одним из ключевых критериев правомерности ограничения прав считается принцип соразмерности. Он предполагает, что вмешательство в сферу прав человека должно быть минимально необходимым и не должно разрушать саму сущность права [6, с. 82].

Ограничение прав и свобод человека допустимо лишь при соблюдении принципов законности, необходимости и соразмерности. Оно должно преследовать конституционно значимую цель и быть адекватным по своему содержанию и последствиям. Иными словами, государственное вмешательство в сферу частных интересов оправдано только тогда, когда без него невозможно обеспечить защиту общественных ценностей, таких как безопасность, здоровье населения или права других лиц.

Особенно чётко проблема соблюдения данного принципа проявляется при регулировании свободы собраний. Введение ограничений на проведение митингов вблизи образовательных учреждений, больниц или зданий органов власти может быть признано оправданным, если оно направлено на поддержание общественного порядка и защиту прав третьих лиц. Однако обязанностью государства остаётся обеспечение реальной возможности граждан реализовать своё конституционное право на собрания в иных, допустимых формах и местах. Лишение человека такой возможности превращает допустимое ограничение в нарушение самого существа права [1].

Ключевое значение в определении границ допустимых ограничений принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. Его правовые позиции формируют критерии оценки законности и соразмерности вмешательства государства в сферу прав личности. При рассмотрении дел Суд подчёркивает, что формальное соблюдение закона не ис-

ключает необходимости анализа фактических последствий его применения. Меры, направленные на обеспечение безопасности массовых мероприятий, не должны превращаться в инструмент запрета свободы собраний, поскольку это противоречит самому смыслу конституционного права [9, с. 334].

Значительный вклад Конституционный Суд внёс и в развитие правовых подходов к ограничению права собственности. В своих решениях, в частности в Постановлении от 16 июля 2008 г. № 9-П [5], Суд отметил, что государство вправе вводить ограничения в целях защиты общественных интересов, например при изъятии земельных участков для государственных нужд. Однако такие меры допустимы лишь при условии предоставления справедливого возмещения и сохранения экономического содержания права собственности. Тем самым Суд выступает балансирующим звеном между публичными интересами и конституционными гарантиями личности, задавая универсальные стандарты допустимости ограничений.

В особых условиях (чрезвычайное положение, военное время, эпидемии) государство получает возможность вводить дополнительные ограничения прав и свобод. Однако и в этих случаях действуют конституционные пределы. Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» (2001 г.) [8] прямо устанавливает перечень прав, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. К ним относятся: право на жизнь, достоинство личности, свобода совести, право на судебную защиту и ряд других.

Показательным примером актуальной практики ограничения прав и свобод стали меры, предпринятые в период пандемии COVID-19. В разных регионах России вводились временные ограничения на свободу передвижения, проведение публичных мероприятий и осуществление предпринимательской деятельности. Эти меры принимались, как правило,

актами высших должностных лиц субъектов Федерации, основанными на федеральных нормах о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Конституционный Суд Российской Федерации в обзорах судебной практики подтвердил допустимость подобных ограничений, подчеркнув, что они должны иметь законное основание, преследовать конституционно значимые цели — защиту жизни и здоровья граждан — и носить строго временный характер. Таким образом, даже в чрезвычайных обстоятельствах действует принцип недопустимости полного устранения конституционных гарантий личности [7, с. 119].

Опыт пандемии продемонстрировал, что чрезвычайные ситуации становятся своеобразной проверкой устойчивости конституционных механизмов защиты прав человека. Несмотря на наличие нормативных критериев допустимости ограничений, правоприменительная практика по-прежнему выявляет ряд системных проблем. Во-первых, сохраняется тенденция к избыточности вмешательства органов публичной власти, когда меры, вводимые под предлогом защиты общественных интересов, по факту ограничивают широкий круг прав и свобод, выходя за пределы необходимого. Во-вторых, наблюдается неравномерность регионального регулирования: при схожих обстоятельствах субъекты Федерации по-разному интерпретируют пределы своих полномочий, что подрывает единообразие правовых гарантий. В-третьих, остаются нерешёнными вопросы судебного контроля и соразмерности ограничений, что препятствует формированию устойчивой практики защиты прав граждан в условиях кризисных режимов.

На уровне подзаконного и регионального нормотворчества нередко используются конструкции, которые фактически превращают уведомительный порядок в разрешительный: к уведомлению о публичном мероприятии добавляются требования представить согласие

собственника площадки, заключения о санитарном сопровождении и пожарной безопасности, «согласование маршрута» и иные документы, прямо не предусмотренные федеральным законом. Дополнительные фильтры формируются через неопределённые по охвату категории «мест массового пребывания граждан», «прилегающих территорий» и «охраняемых объектов»: при их максималистском толковании из публичного пространства выпадает значительная часть городских центров, что де-факто делает реализацию свободы собраний затруднительной. Периодические «комплексные профилактические меры» или режимы повышенной готовности тоже используются как универсальное основание для запретов, хотя по своей природе должны служить точечному управлению рисками, а не постоянному сужению конституционных свобод. В результате ширина и длительность ограничений не коррелируют конкретным угрозам, порождая дисбаланс между целями безопасности и сутью самого права.

Второй блок проблем обусловлен неопределённостью правовых формул, которая подрывает принцип правовой определённости и предсказуемости для адресата. Закон и подзаконные акты часто оперируют абстрактными категориями вроде «угрозы нравственности», «защиты национальных интересов», «профилактики экстремизма», не сопровождая их операциональными критериями и проверяемыми индикаторами. Отсутствие легальных дефиниций приводит к смещению центра тяжести толкования на ведомственные инструкции, которые не обладают свойством всеобщей предсказуемости. Административная практика в таких условиях неизбежно дрейфует к произвольному усмотрению: одно и то же высказывание рассматривается как допустимое в одном регионе и как нарушение — в другом; аналогичные формы публичных действий получают противоположные оценки в зависимости от контекста, субъекта и места проведения. Возникает «охлаждающий эффект»: опасаясь

санкций, субъекты воздерживаются от реализации права даже при формальном соблюдении процедуры. Для медиасферы и цифровой коммуникации проблема усиливается тем, что оценочные понятия накладываются на высокоскоростной оборот информации: решения о блокировках и ограничениях принимаются быстрее, чем может быть обеспечена проверка их необходимости и пропорциональности.

Третья системная слабость — недостаточная глубина судебного контроля именно по существу пропорциональности. Суды общей юрисдикции нередко ограничиваются проверкой формальной законности: соблюдены ли сроки, корректно ли оформлены документы, присутствует ли ссылка на компетенцию органа. При этом оценка того, были ли избраны наименее обременительные средства для достижения заявленной цели, и не затронута ли сущность права, остаётся на периферии судебного анализа. Бремя доказывания необходимости и адекватности меры фактически перекладывается на заявителя, в то время как орган власти ограничивается общими отсылками к безопасности и порядку без представления конкретных данных о рисках. Временной фактор также работает против эффективной защиты: многие ограничения носят краткосрочный характер, и к моменту рассмотрения дела в первой инстанции предмет спора утрачивает актуальность, а обеспечительные меры применяются крайне осторожно. Добавьте к этому неоднородность региональной практики и крайне редкие случаи кассационного вмешательства, затрагивающего суть проверки соразмерности, — и складывается ситуация, при которой правовые позиции высших судебных инстанций лишь постепенно проникают в повседневное правоприменение, не образуя устойчивых и единообразных стандартов толкования и защиты прав.

В совокупности эти три дефекта приводят к структурному перекосу: ширина дискреции исполнительной власти растёт быстрее, чем формируются процессуаль-

ные и материальные «тормоза» в виде чётких законодательно заданных критериев, обязанности органов власти мотивировать каждое ограничение с опорой на факты и доказательства, а также реального, а не номинального судебного теста необходимости, пригодности и соразмерности вмешательства. Исправление ситуации требует точной перенастройки всех звеньев: от законодателя — конкретизации оценочных категорий и запрета «бланкетных» запретов, от администрации — институционализации предварительных оценок воздействия и прозрачной доказательной базы при введении ограничений, от судов — перехода от проверки формальной законности к содержательному тесту пропорциональности с перераспределением бремени обоснования на орган, иницирующий ограничение. В противном случае конституционная модель допустимых ограничений рискует остаться преимущественно декларативной, а реальная динамика реализации прав и свобод граждан — зависимой от локальных правоприменительных практик и субъективного усмотрения должностных лиц.

Перспективы развития заключаются в укреплении судебного контроля, внедрении принципа «трёхступенчатого теста» (как в практике ЕСПЧ: законность — легитимность цели — необходимость меры), а также в гармонизации российского законодательства с международными стандартами в области прав человека [3, с. 142].

Исследование конституционных оснований ограничения прав и свобод личности в современной России имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно позволяет глубже понять, какие механизмы и критерии должны ис-

пользоваться для оценки допустимости вмешательства в сферу конституционных прав, какие пробелы существуют в законодательстве и правоприменении, и каким образом можно повысить эффективность судебной защиты. В условиях, когда вопросы соблюдения и ограничения прав становятся индикатором зрелости правового государства, данная проблематика приобретает первостепенное значение для науки, практики и общества в целом.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что институт ограничения прав и свобод личности в Российской Федерации опирается на фундаментальные принципы законности, необходимости и соразмерности. Их практическая реализация напрямую зависит от качества нормативного регулирования и эффективности судебного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации выступает гарантом поддержания конституционного баланса между интересами личности и государства, формируя критерии допустимости вмешательства в сферу прав граждан. Вместе с тем анализ современной практики показывает, что действующая система всё ещё подвержена рискам избыточного регулирования и неравномерности правоприменения. В этих условиях требуется не столько пересмотр самих конституционных положений, сколько совершенствование механизмов их реализации — через усиление судебного надзора, развитие доктрины пропорциональности и интеграцию международных правовых стандартов в национальную практику. Реализация этих мер позволит не только укрепить доверие общества к правовой системе, но и обеспечить подлинную устойчивость конституционных гарантий прав и свобод личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Девяткина Р. А. Проблемы ограничения прав и свобод человека // Бизнес и общество. 2024. № 1(41). С. 1–7.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант».

- тант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.11.2025).
3. Подмарев А. А. Взаимосвязь конституционализма и конституционных принципов ограничения прав и свобод человека и гражданина // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1. С. 141–145.
  4. Подмарев А. А. Цели ограничения прав и свобод человека и гражданина: правовые позиции конституционного суда России // Итоги и перспективы конституционного развития России: Материалы XV Международного Конституционного Форума, Саратов, 13–15 декабря 2023 года. Саратов: Саратовский источник, 2024. С. 111–116.
  5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2008 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78731/ (дата обращения: 10.11.2025).
  6. Серкова Т. В. Возможность конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2(218). С. 82–84.
  7. Смирных А. А. Ограничение прав и свобод в контексте признания человека высшей конституционной ценностью // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 118–122.
  8. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 10.11.2025).
  9. Чирица И. Ю. Конституционные гарантии прав и свобод личности в Российской Федерации // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 24 сентября 2024 года. Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2024. С. 334–335.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Devjatkina R. A. Problemy ogranichenija prav i svobod cheloveka // Biznes i obshhestvo. 2024. № 1(41). S. 1–7.
2. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul'tant Pljus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashhenija: 10.11.2025).
3. Podmarev A. A. Vzaimosvjaz' konstitucionalizma i konstitucionnyh principov ogranichenija prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Chelovek i pravo – XXI vek: al'manah Instituta prokuratury Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2023. № 1. S. 141–145.
4. Podmarev A. A. Celi ogranichenija prav i svobod cheloveka i grazhdanina: pravovye pozicii konstitucionnogo suda Rossii // Itogi i perspektivy konstitucionnogo razvitiya Rossii: Materialy HV Mezhdunarodnogo Konstitucionnogo Foruma, Saratov, 13–15 dekabrja 2023 goda. Saratov: Saratovskij istochnik, 2024. S. 111–116.
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.07.2008 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 82 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanina V.V. Kostyleva» // SPS Konsul'tant Pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78731/ (data obrashhenija: 10.11.2025).
6. Serkova T. V. Vozmozhnost' konstitucionnogo ogranichenija prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2023. № 2(218). S. 82–84.
7. Smirnyh A. A. Ogranichenie prav i svobod v kontekste priznaniya cheloveka vysshej konstitucionnoj cennost'ju // Chelovek i pravo – XXI vek: al'manah Instituta prokuratury Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2023. № 2. S. 118–122.
8. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.05.2001 N 3-FKZ (red. ot 02.11.2023) «O chrezvychajnom polozhenii» // SPS «Konsul'tant Pljus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (data obrashhenija: 10.11.2025).
9. Chirica I. Ju. Konstitucionnye garantii prav i svobod lichnosti v Rossijskoj Federacii // Aktual'nye voprosy gumanitarnyh i social'nyh nauk: ot teorii k praktike: Materialy II Vserossijskoj nauchno-

---

prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Cheboksary, 24 sentjabrja 2024 goda. Cheboksary: OOO "Izdatel'skij dom "Sreda", 2024. S. 334–335.

Поступила в редакцию: 16.11.2025.

Принята в печать: 30.12.2025.